

семинара Диалог'2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – М., 2007 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/zalitznyak_anna-07.htm (дата обращения: 10.01.2013).

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русистика. – Берлин, 1994. – № 1-2. – С. 28-49.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. чл. кор. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1986. – 797 с.

Источники:

Александров Г. Россия – не для русских? Как страну подсаживают на миграционную иглу / Г. Александров // АИФ. – 2011. – № 38.

Артемов А. Исковерканная страна / А. Артемов // АИФ. – 2011. – 13.12.11.

Костиков В. С песней о Ленине / В. Костиков // АИФ. – 2012. – № 3.

Шкуренко О. Президенты-односрочники / О. Шкуренко // Коммерсантъ. – 2011. – № 15.

Шкуренко О. Риск ошибки меньше риска бездействия / О. Шкуренко // Огонек. – 2012. – № 7.

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ВЕСТОНИМОМ ГЕНИТИВНОЙ МОДЕЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С.В. Непомнящая

*Научный руководитель: Е.Р. Ратушная,
доктор филологических наук, профессор (КГУ)*

Фразеологические единицы с компонентом-наименованием одежды (вестонимом, по терминологии О.В. Жигаловой) имеют значительный удельный вес во фразеологическом фонде русского языка и насчитывают, по нашим данным, более 400 единиц, характеризующихся как внешним, так и внутренним разнообразием.

В настоящей статье исследованию в структурном и семантическом аспектах подвергнется группа фразеологических единиц (ФЕ) с предметным типом семантики, построенных по модели генитивного словосочетания (существительное в Им.п. + существительное в Р.п.).

В русской фразеологии отмечается генетическая связь фразеологизмов с различными структурными типами синтаксических единиц и образований. Установлено, что все фразеологизмы соответствуют определенному структурному типу, каждый из которых включает определенный набор структурных (синтаксических) моделей.

Под структурным типом мы, вслед за Л.П. Гашевой, понимаем «не только тип синтаксической модели, не только формальное соответствие фразеологического сочетания структурным схемам свободного словосочетания, но и структурно-семантические свойства каждого

компонента фразеологизма, создающего конкретное фразеологическое значение» [Гашева 1999: 11].

Термин «модель» рассматривается в языкознании как «схема или образец какой-либо языковой единицы, показывающие последовательное расположение составляющих ее частей» [Рогожникова 1975: 78].

Как показал анализ, для предметных фразеологизмов с компонентом-вестонимом наиболее продуктивной является этимологическая структура (термин В.А. Лебединской) простого словосочетания, построенного по разнообразным синтаксическим моделям. Модель родительного падежа не является наиболее типичной для исследуемых ФЕ, однако единицы с данной синтаксической организацией характеризуются структурными и семантическими особенностями, анализ которых вносит вклад в изучение и описание свойств группы фразеологизмов, объединенных компонентом-вестонимом, в русском языке.

Фразеологизмы, построенные по модели «существительное в Им.п. + существительное в Р.п.», представлены в нашем материале 9 единицами (8,4 % от общего количества предметных ФЕ): *шапка Мономаха* 'символ царской власти', *честь мундира* 'о мнимой безупречности репутации', *затягивание ремней* 'готовность к нужде и лишениям', *засучивание рукавов* 'готовность приступить к работе', *подоплека дела* 'тайная, скрытая причина чего-либо', *закон равенства карманов* 'о равенстве материального благосостояния жениха и невесты', *политика плаща и кинжала* 'тайный террор и шпионаж', *рыцарь плаща и кинжала* 'агенты спецслужб, занимающиеся подрывной деятельностью', *дама плаща и кинжала* 'о женщине, занимающейся шпионажем'.

По замечанию Т.Е. Помыкаловой, для единиц названной модели типичным является родительный беспредложный падеж, что характерно для русского языка в целом [Помыкалова 1989: 3]. Данный тезис справедлив по отношению к исследуемым ФЕ, которые построены по беспредложной генитивной модели.

Центральными, грамматически опорными компонентами фразеологизмов модели родительного падежа в большинстве случаев становятся абстрактные имена существительные (*равенство, честь, затягивание, засучивание, политика*), единичны в этом качестве вестонимы (*шапка, подоплека*) и антропонимы (*рыцарь, дама*). В функции зависимых компонентов в данной модели выступают, как правило, вестонимы (*плащ, карман, мундир, ремень, рукав*), реже – артефакты (*кинжал*) и абстрактные понятия (*дело*). Например:

А ведь он [Николай I] был намного младше Константина, и *шапка Мономаха* его давила. (Наша газета, № 31 от 07.08.08)

Заместитель начальника милиции имел представление о *чести мундира* несколько иное, чем его коллега из Брянска. (А. Черненко. До выстрела и после).

К данной синтаксической модели мы также относим фразеологизмы, строение которых характеризуется осложнением основной структуры за счет дополнительного компонента и конструкции с сочинительным союзом. Выявленные подмодели могут быть представлены в виде следующих схем:

а) «существительное в Им.п. + существительное в Р.п. + существительное в Р.п.»: *закон равенства карманов*;

б) «существительное в Им.п. + существительное в Р.п. + союз *и* + существительное в Р.п.»: *политика плаща и кинжала, рыцарь плаща и кинжала, дама плаща и кинжала*. Например:

Это и везде так происходит, но тут уж в особенный обычай вошел *закон равенства карманов*. (Ф.М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях)

Конкретно для Индии американские аналитики и «*рыцари плаща и кинжала*» из Лэнгли ничего оригинального придумать не стали. (Комсомольская правда, 15.11.86)

Зоя Воскресенская, Елена Феррари, Лиля Брик – о тайной и явной жизни этих и других «*дам плаща и кинжала*» пойдет речь в захватывающих исторических новеллах Елены Арсеньевой... (из аннотации к роману Е. Арсеньевой «Дама-невидимка»)

Анализ материала показал, что типичным для фразеологизмов, построенных по генитивной модели, является прямое контактное расположение компонентов. Возможен также прямой дистантный и инверсивный контактный порядок следования компонентов. Во фразеологизмах данной модели дистантное положение компонентов вызвано существительными, прилагательными, наречиями. Например:

Мир разделялся на две неравные части: одна – меньшая – офицерство, которое окружает *честь*, сила, власть, волшебное достоинство *мундира* и вместе с мундиром почему-то и патентованная храбрость, и физическая сила, и высокомерная гордость... (А.И. Куприн. Поединок)

Вспомним цифры из акта ревизии, и нам станет ясно, отчего так рьяно боролись за *честь* так называемого *мундира*. (Комсомольская правда, 17.08.86)

Мономахова шапка съехала ему на ухо, открыв черные стриженные волосы. (А.Н. Толстой. Петр Первый)

Как оказалось, исследуемые единицы обладают не только структурным, но и семантическим разнообразием. В связи с этим представляется не менее интересным анализ процесса образования семантической структуры данных фразеологизмов.

По мнению А.М. Чепасовой, семантическая структура ФЕ представляет собой совокупность иерархически связанных сем разной степени абстракции и может быть представлена в виде комбинации категориальных, субкатегориальных, групповых и индивидуальных сем [Чепасова 1983: 32].

В.П. Жуков отмечал, что «показателем категориального значения

служит грамматически господствующий компонент» [Жуков 1978: 26]. В качестве грамматически главного в рассматриваемых ФЕ выступает компонент-существительное, сообщающий предметную семантику данным единицам.

Кроме того, грамматически главный компонент способен предопределять субкатегориальную семантику фразеологизма. Во фразеологизмах исследуемой модели стержневой компонент выражен одушевленными (*рыцарь, дама*), абстрактными (*закон, политика, честь, засучивание, затягивание*) и неодушевленными (*шапка, подоплека*) существительными. В лексических значениях первых двух видов компонентов содержатся семы «одушевленность» и «отвлеченность», которые, актуализируясь, создают субкатегориальную семантику лица и абстрактного понятия соответственно. Сема «неодушевленность», наоборот, «затухает», деактуализируется и не принимает активного участия в формировании субкатегориальной семантики данных ФЕ.

Зависимые компоненты играют не менее важную роль в формировании целостного фразеологического значения, поскольку вносят в семантическую структуру единицы групповые и индивидуальные семы. Во фразеологизмах анализируемой модели зависимые компоненты реализуют определительное значение родительного падежа и вносят указание на индивидуализирующий признак обозначаемого предмета или абстрактного понятия, то есть являются семантическими конкретизаторами.

Согласно проведенному анализу материала, большинство ФЕ генитивной модели (7 единиц) относятся к семантической субкатегории абстрактного понятия: *честь мундира, затягивание ремней* и др. Фразеологизмы с субкатегориальной семантикой лица единичны и представлены 2 ФЕ: *рыцарь плаща и кинжала, дама плаща и кинжала*.

Как выяснилось, во фразеологизмах, обозначающих абстрактное понятие, формирование субкатегориальной семантики отвлеченности происходит тремя способами: 1) за счет стержневого компонента, выраженного абстрактным существительным; 2) путем актуализации некоторых сем из лексического значения грамматически опорного компонента-конкретного существительного; 3) за счет актуализации сем из лексического значения зависимого компонента.

Рассмотрим каждый из этих способов. Так, первый способ реализуется во ФЕ *засучивание рукавов*, в которой грамматически главный компонент – абстрактное существительное – сохраняет сему ‘отвлеченность’ и транспонирует ее в семантическую структуру фразеологизма. Второй способ формирования отвлеченной семантики прослеживается во ФЕ *подоплека дела* и происходит за счет актуализации

потенциальной семы 'то, что скрыто' из лексического значения стержневого компонента *подоплека* (ср: *подоплека* – 'кусочек ткани, подшивавшийся с изнаночной стороны рубахи'). Третий способ формирования анализируемого типа семантики наблюдается во ФЕ *шапка Мономаха*. В данном случае конкретная сема 'головной убор' в лексическом значении компонента *шапка* деактуализируется благодаря компоненту-прилагательному, указывающему на исторический первоисточник возникновения этого фразеологизма. Так, прозвище *Мономах* (от др.-греч. 'единоборец') присоединяли к именам некоторых византийских императоров. На Руси его носил Великий князь киевский Владимир. Шапкой Мономаха венчались на царство московские цари [Бирих 2005: 763]. Этим фактом объясняется возникновение новой семы отвлеченного значения 'символ царской власти' и всей ФЕ в целом.

Групповая семантика фразеологизмов субкатегории отвлеченного понятия формируется за счет взаимодействия сем из значений главных и зависимых компонентов. Анализ показал, что по значению данные фразеологизмы делятся на две подгруппы: 1) ФЕ, обозначающие активную человеческую деятельность, взаимодействие между людьми; 2) ФЕ, обозначающие свойства, качества и совмещающие в этом обозначении элемент оценки, отношения говорящего к данному свойству, качеству (по классификации А.М. Чепасовой).

Так, например, групповая семантика активной деятельности человека во фразеологизме *политика плаща и кинжала* возникла благодаря актуализации потенциальных сем 'деятельность, направленная на достижение чего-либо' и 'нейтрализация противника' из главного и зависимого компонентов соответственно. На основе интеграции данных сем образовалось целостное фразеологическое значение единицы, обозначающей тайные разведоперации и шпионаж.

К данной подгруппе мы относим также фразеологизмы, отличительным признаком которых являются их деривационные отношения с фразеологизмами процессуальной семантики, ср.: *засучивание рукавов* < *засучивать рукава*, *затягивание ремней* < *затягивать ремень*. Формирование групповой семантики в данных ФЕ происходит в большей степени за счет грамматически главных компонентов, которые в результате механизма деривации становятся обозначением длительного процесса, активной деятельности, производимой человеком. Зависимые компоненты *рукава* и *ремень* при этом указывают на целенаправленность этой деятельности – готовность приняться за работу в первом случае и готовность терпеть лишения – во втором.

Фразеологизмы второй подгруппы *честь мундира* и *закон равенства*

карманов содержат в своей семантической структуре элемент оценки говорящим обозначаемого фразеологизмом понятия, степень экспрессивности которой зависит от «экстралингвистических факторов, от семантических и стилистических свойств фразеологизма и его компонентов» [Чепасова 2003: 113]. Так, например, ФЕ *честь мундира* прежде означала ‘достоинство, репутацию воина, офицера’. Однако со временем данный оборот стал отрицательно-ироническим по содержанию и стилистической окраске, получив значение мнимости, внешней благопристойности репутации [Бирих 2005: 756].

Во фразеологизмах с семантикой лица (*рыцарь плаща и кинжала* и *дама плаща и кинжала*) субкатегориальное значение формируется за счет грамматически опорных компонентов *рыцарь* и *дама*, в лексическом значении которых присутствует сема ‘лицо’. Групповое значение принадлежности к определенной профессии, роду занятий у данных единиц образуется путем актуализации потенциальных сем ‘преследование’, ‘противоборство’, ‘нейтрализация соперника’ из компонентов *плащ* и *кинжал*, в свободном употреблении восходящих к жанру испанской комедии, персонажи которой постоянно искали повод сразиться со своими противниками [Бирих 2005: 538]. Особенностью данных ФЕ является наличие дополнительных сем ‘свойство, качество характера человека’, ‘принадлежность к определенному слою общества’, которые содержатся в лексических значениях компонентов *рыцарь* и *дама*. Ср.: *рыцарь* – ‘воин, находящийся в вассальной зависимости от своего сюзерена’, ‘самоотверженный, благородный человек’ [Ожегов, Шведова 1994: 679], *дама* – ‘женщина из интеллигентских, обеспеченных городских кругов’ [Ожегов, Шведова 1994: 147].

Таким образом, проведенный структурный и семантический анализ предметных фразеологизмов с компонентом-вестонимом, построенных по модели генитивного словосочетания, позволил установить, что, несмотря на немногочисленность, данные единицы характеризуются внешним и внутренним разнообразием.

Список литературы

- Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.
- Гашева Л.П. Позиция процессуальных фразеологизмов в предложении (семантико-грамматический и коммуникативный аспекты) : монография / Л.П. Гашева. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 1999. – 130 с.
- Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – М. : Просвещение, 1978. – 160 с.
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1994. – 928 с.
- Помыкалова Т.Е. Модели единиц с фразообразующим родительным падежом /

Т.Е. Помыкалова // Синтаксические модели фразеологизмов : межвуз. сб. науч. тр. – Челябинск, 1989. – С. 3-18.

Рогожникова Р.П. Структурные типы служебных слов (Предлоги, союзы в толковых словарях) / Р.П. Рогожникова // Современная русская лексикография. – Л., 1975. – С. 78-90.

Чепасова А.М. Предметные фразеологизмы русского языка / А.М. Чепасова. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. – 267 с.

Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов / А.М. Чепасова. – Челябинск : ЧГПИ, 1983. – 92 с.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННО БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

А.К. Корюкова

*Научный руководитель: Л.А. Запелова,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)*

Категория количества – междисциплинарное понятие, которое можно рассматривать с нескольких точек зрения. Так, с точки зрения философии, количество – это категория, отображающая общее в качественно однородных вещах и явлениях. В философии категория количества тесно связана с категорией качества; для простоты можно сказать, что первая отвечает на вопрос «сколько?», тогда как вторая – на вопрос «какое?». Обе эти категории были описаны еще Аристотелем, поэтому нельзя не признать, что понятие «количество» занимало умы мыслителей с незапамятных времен [Количество: электрон. ресурс].

С онтологической точки зрения, категория представляет собой явление объективной действительности, «совокупность свойств, указывающих на величину вещи, на ее размер; объективная определенность предмета, в силу которой его можно разделить на однородные части» [Кондаков 1975: 252]. Кроме того, существует лингвистический аспект категории количества, представляющий собой выражение данной онтологической категории средствами языка.

Категория количества уже много лет исследуется лингвистами (И.А. Бодуэн де Куртенэ, О.Х. Есперсен, А.А. Холодович, Т.П. Ломтев, В.В. Новицкая и др.), которые предпринимали попытки классифицировать средства этой категории и структурировать ее. Так, авторы работы «Категория количества в современных европейских языках» В.В. Акуленко, С.А. Швачко и Е.И. Букреева предлагают детально проработанную структуру категории количества, которая была создана при помощи полевого подхода.

Категорию количества можно представить в виде макрополя,